

менитая комедия, а послезавтра в целом Сомюре только и речей будет о благодетельном родственнике, о превосходном брате, словом, о господине Феликсе Гранде сомюрском, и, главное, всё это будет даром — не будет стоить ни копейки.

Глава IV

Обещания скряги. Клятвы любви

В отсутствие отца Евгения могла сколько хотела заниматься своим милым кузеном, могла излить на него все сокровища своего сердца — участие и сострадание. В этих двух добродетелях было всё торжество, всё проявление любви ее, и ей хотелось, 10 чтобы чувствовали эти добродетели.

Три или четыре раза наведывалась она, спит ли Шарль или уже встал. Когда же он стал просыпаться, то опять пошли те же хлопоты, как и накануне. Сама она выдала тарелки, стаканы, сливки, кофе, яйца, фрукты. Потом опять вбежала наверх; опять приостановилась, чтобы послушать в дверях... Что-то он теперь делает? Оделся ли он? Плачет ли он опять? Наконец она постучалась.

— Братец!

— Это вы, сестрица?

20

— Да, Шарль. Где вы хотите завтракать, внизу или здесь, в вашей комнате?

— Где вам угодно, сестрица.

— Как вы себя чувствуете?

— Признаюсь вам со стыдом, милая сестрица, я голоден.

Этот разговор сквозь замочную скважину был целым эпизодом из романа Евгении; по крайней мере для нее.

— Так мы вам принесем завтракать сюда, чтобы не мешать после батюшке.

Она побежала в кухню.

30

— Нанета, поди, прибери его комнату.

Ветхая черная лестница вдруг оживилась, заскрипела. Сколько воспоминаний рождала и потом эта лестница в сердце Евгении; как часто она вбегала по ней! Даже сама старушка, добрая и говорчива, не в силах была противиться желаниям и маленьким капризам своей дочери, и когда Нанета возвратилась сверху, обе пошли к Шарлю, чтобы утешить бедняжку и потолковать с ним. Посетить Шарля посоветовало им христианское братолюбие, и обе они не замечали, что уже другой день толкуют и вкось и вкривь Евангелие, применяясь к обстоятельствам.

40